

Таким образом, “КиШ” и встали перед проблемой разрешения противоречия между предложением и спросом на музыкальном рынке. Они могли предложить панк, но на рынке не было спроса на него. В этой ситуации возможны два пути решения проблемы: можно изменить свою музыку на ту, у которой большая рыночная стоимость, или переть напролом, ничего не меняя внутри, но изменяя окружающее пространство. Конечно, второй путь неизмеримо труднее первого, немногие смогли встать на него, прошли до нему единицы. Но и первый довольно сложно преодолеть, не опустившись, с высоко поднятой головой. Что “КиШ” и проредели с немалым успехом. Взяв за основу панковский саунд, его обработали в сторону большей мелодичности. Можно сказать, что “КиШ” взяли от панка драйв и ритмику, а инструментальное наполнение сделали сложнее и навороченнее (сейчас в группе три гитариста, барабанщик, скрипачка и два вокалиста). Это, в общем, немного нетривиально, но не сильно выделяется на фоне всей металлической тусовки. Что же касается текстов, то здесь граждане “Горшок” (М. Горшенев) и в особенности “Князь” (А. Князев) проявили себя, с одной стороны, как удачливые исследователи-первопроходцы, а с другой стороны, как кропотливые археологи. Я имею в виду, что “КиШ” первые, по крайней мере у нас, кто свое текстовое творчество полностью строит на убийствах, смерти, мясотревожке и различных их проявлениях. Это с одной стороны, а с другой работники пера (так и хочется добавить “и топора”) группы очень хорошо порылись в классической литературе смертоубийственно-загробномистического плана. Из всего списка авторов, оказавших влияние на творчество “КиШ”, около половины является признанными авторитетами в жанре мистики и ужасов. В первую десятку входят такие корифеи как Эдгар По и Г. Ф. Лавкрафт, а на первом месте стоит Н. В. Гоголь. Здесь надо отметить, что Г. Ф. Лавкрафт знаменит не только своими художественными произведениями (кстати, по одному из которых снят,

А еще Шнур сравнил процесс написания песен с процессом дефекации и рассказывал дебилские анекдоты.

Затем по первому снегу идем в самый продвинутый местный клуб, провести время перед концертом. Там куча старых хипанов и их молодых девок собралась поскорбеть по Джорджу Харрисону, который, как известно, “очень любил деньги”. В какой-то момент организаторы затаскивают на сцену трех дебилов — Шнура, Севыча и Пузо, которые исполняют неизвестную песню группы “Ленинград”, которую, по словам Шнурова, он на днях написал в поезде метро. Песня с нескрываемым политическим контекстом.

Музыка тотального освобождения (продолжение)

О том, как «Король и шут»... (продолжение)

жанра “ужасов” в послевоенные десятилетия. Аналитическое обоснование своего литературного метода автор четко и убедительно сформулировал в книге “Сверхъестественный ужас в литературе”.

В одной из статей о “КиШ” задается вопрос, “в чем же их популярность и актуальность?”. Строится предположение о том, что их поклонники в детстве Дж. Р. Р. Толкина не дочитали или просто отдали должное оригинальности и цельности группы и т. п. А на самом деле все оказывается намного проще, а может быть сложнее. Кроме таланта музыкального “КиШ” овцы проявили талант проектировщиков будущего успеха своих творений. Увидев неостребованность обществом (разумеется, под обществом подразумеваются не только слушающие, но и продюсирующие, записывающие, рекламирующие и т. д.) своей музыки, они взяли пользующийся большой популярностью жанр “страшилок” и вживили его в обезглавленное и уже попахивающее тело панка. Несомненно, из данного эксперимента получился бы очередной монстр бруталной сцены, если бы “КиШ” пошли на поводу общественного спроса на мясотревожку в том виде, в котором она присутствует на экранах телевизоров и в современной литературе. Для создания своих песен-минисказок они умело использовали богатое наследие не тех “подмастерьев ужасов”, которые просто виртуозно играют на вашей психике, а настоящих мастеров. Чего только стоит размышление Эдгара По о законах философии и искусства: “Из всех меланхолических тем, какая, согласно всеобщему мнению человечества, является наиболее грустной? Смерть — гласит очевидный ответ. “А когда, — спрошу я, — эта наиболее меланхолическая тема является и наиболее поэтической?”. И на этот вопрос ответ очевиден: когда она более всего сопряжена с Красотой. Стало быть, смерть красивой женщины есть самый поэтический в мире предмет изображения — и в равной степени справедливо и несомненно, что рассказ об этом лучше всего вложить в уста безутешного влюбленного”.² И “КиШ” не единожды использовал этот сюжет в своих песнях, и надо заметить, что они действительно звучат совершенно потрясающе.

Вообще в творчестве “КиШ” представлены практически все классические сюжеты, так или иначе связанные со смертоубийством: “неверность жены/мужа”, “встреча путника с нечистой силой”, “папа, я его люблю, а он — убью!” “дом с привидениями”, “казнь невиновного”, “а он оказывается вампир!!!”, “битва Иванушки-дурачка с нечистой/стихией”, “ожившие предметы и люди, ставшие куклами”, “зловещее предсказание”, и просто истории о добре и зле. Причем подход к пониманию добра и зла неоднозначный и, в какой-то степени, диалектический. Так, например, в “Садовнике” сестры посылают брата в чужой сад за цветами — нехороший поступок. И они за это наказываются, но как?! Вместо ожидаемого брата приходит “садовод” и, оставив цветы, исчезает:

“И открыли сестры рты,
Посмотрев на цветы, —
Голова их брата среди цветов лежала”.

Сюжет наказания малого зла большим также присутствует и в ряде других песен (“Сапоги”, “Веселые тролли”). Надо сказать, что мотив “каждый ответит за свои поступки” проходит красной нитью через все творчество “КиШ”. И тема ответственности, поднимаемая в стихах этой группы, очень актуальна для нашего времени. Поэтому я не могу понять людей, говорящих об отстраненности их текстов от сегодняшних дней. Ведь они поют о любви и смерти, добре и зле — о необходимых ингредиентах любого бестселлера, актуального во все времена. Причем поют в контексте действия, развивающегося по классическим сюжетам, которые впитали в себя саму жизнь.

Так или иначе, мы видим и слышим тот “КиШ”, который есть. Плохо ли, что они не стали вторыми “SEX PISTOLS”? Однозначно плохо. Могли ли они объективно стать чем-то похожим на “SEX PISTOLS”? Наверяд ли. Могли лишь добавить, что свое Противоречие “КиШ” преодолел. Кто-то назовет это конформизмом и будет отчасти прав, но только отчасти. Все-таки “КиШ” оказал какое-то креативное влияние на среду своего обитания, в которой до его появления никто сказки о неотвратимом наказании слушать не собирался.

1) “Собрание”
2) “Философия творчества”

И вроде все пиздато,
И хуй с ним, с блоком НАТО,
Но только, когда напьюсь,
Снится Советский Союз

Разъяренные хипаны сгоняют “Ленинград” со сцены. Шнур убегает с кокетством нашкодившего подростка. На спинах музыкантов поклонники “Битлз” видят красочный советский герб с большими буквами СССР. Это выглядит как насмешка над билломанами, которым Союз явно не снится, снится Ливерпуль, да ну и хрен с ними.

Нет, “Ленинград” — люди другой “группы крови на рукаве”. Начавшись как постмодернистский проект питерских говно-эстетов (типа Леонида Федорова), он перерос первоначально узкие рамки советского городского фольклора, а Сергей Шнуров вполне может претендовать на звание современного Егора Летова, человека открыто демонстрирующего загнивающему обществу его болезненное состояние. При этом, в отличие от писателя Сорокина, копании в грязи у Шнура не имеет ничего общего с ее смакованием. В данном случае художественные средства адекватны провокационным целям творчества группы “Ленинград” (в случае, если такие имеются). На концертах у респектабельной публики вытягиваются лица, тем более, что многие не знают, на что идут. Ведь это ваши пороки, суки, ваша похоть, ваш пьяный угар, наркозависимость ваших детей, ваша страсть к дебильным песенкам, передаваемым по радио, ваш пофигизм и макиавеллизм.

Уникальность Шнура в том, что он сумел стать более чем клубным музыкантом, стать знаменем своеобразного социального протеста против загнивания постсоветского Вавилона. Протестом, почти лишенным политической составляющей, но, тем не менее, чрезвычайно эффективным. Недаром власти засуетились по поводу запрета мата в общественных местах, недаром. На концертах избранные места из неподконтрольной правительству РФ лирики распеваются хором, что до добра может не довести.

При этом Шнуров сочетает в себе как необузданность Сида Вишеса (рискну предположить, что он — самый раскованный персонаж отечественной говно-сцены), так и интеллектуальный заряд, ничуть не уступающий иным панк-философам. В любом случае его творческая натура, контуженная постсоветской реальностью, выражает стремление угнетаемых слоев общества избавиться от прибавочной репрессии, которая в нашем случае представлена похмельем, похотью и нехваткой денег. А использование нецензурной лексики служит одной цели — тотальному освобождению. Хотя, наверняка, Шнур со мной не согласится, ведь “Ленинград” ни с кем не борется, “Ленинград” всех победил”.

P.S. После концерта перед людьми, выложившими по тысяче рублей за вход, я высказал Сергею свое к ним презрение:
— Публика — ебанутая.
— Это ты — ебанутый, и я — ебанутый.
Может быть и так, Сергей, может быть и так.

Нет, жизнь!

“...в Буркина-Фасо, по сообщениям международных информационных агентств, маоистские партизаны захватили очередной населенный пункт и разоружили местный полицейский участок. Теперь они контролируют более 70% территории страны...”

Сразу избавим вас от лишнего труда — не ищите эту информацию в лентах новостей. Маоистских партизан в Буркина-Фасо нет. Пока нет.

Но они есть в Непале, Индии, Турции, Перу, на Филиппинах.

И очень скоро буржуазному проамериканскому правительству Афганистана будут портить жизнь не ученики-талибы, но “красные душманы” из ALO.

Буржуазия очень любит говорить о смерти. Почему? — пусть разбираются ее придворные психоаналитики.

О смерти маоизма она говорила тысячи раз. Начиная еще с рождения Мао. Но пышные похороны всякий раз прерывались нектати появляющимся “покойничком”.

Пламенный борец с терроризмом ex-президент Перу японец Фухимори тоже поспешил сообщить о смерти маоизма во вверенной ему стране. История кончилась его собственной политической смертью и бегством на “историческую родину”. Воистину: “Не рой другому яму”

Азиатские, африканские, южноамериканские князьки, вожди, исторические лидеры, демократически избранные и другие президенты продолжают накрывать банкетные столы в честь победы над маоизмом. Только праздновать за этими столами будут не они. И не свои победы.

Не отстают и их североамериканские коллеги. Флагман борьбы с терроризмом дядя Сэм как Зевс мечет громы и молнии, но в богов мы не верим, а наши товарищи в США знают, что старшие и младшие Буши приходят и уходят. Мао же остается.

Мы верим в жизнь после смерти. Особенно тогда, когда о своей смерти узнаем из утренних газет.

Довольно о смерти, давайте о жизни! Маляры революции, мы перекрашиваем карту мира.

Один раз мы сделали из белой России красную, перекрасим ее и во второй.

Да, мы отступали, но только для того, чтобы разбежаться и дальше прыгнуть.

Jump now! Прыгай сейчас!
2000-ый год. Лето. Уже несколько месяцев, чугунной двухголовой курицей Путин парит над

Россией. Vladimir Putin — Superstar! Реакция улыбается гнилыми пеньками полусъеденных зубов.

Она выбрала своими глашатаями человеческий мусор всех сортов: неуравновешенных бизнесменов, половых психопатов, профессиональных убийц в погонах и без, продажных политиков — созданий насколько мелких, настолько опасных.

Как вспышка возникла РМП. Революционная сражающаяся партия. Партия, дерущаяся на два фронта — против буржуазного бытия и против буржуазного сознания.

Нам только полтора года. Мы еще с трудом выговариваем некоторые слова и плохо ходим.

Но мы били и будем бить:

— тех, кто путает — “путает Германию 72-го с Китаем 27-го года” (© одного из критиков RAF), т. е. Россию 2002-го года с Россией 1905 — 17 — 53-го и т. д. и т. п.;

— тех, кто подменяет диалектику классово-борьбы и тотальность общественного развития метафизикой гуманизма, экзистенциализма и общечеловеческих ценностей;

— тех, кто из соображений буржуазного приличия отрицает современное революционное искусство и современную революционную практику;

— тех, кто рассматривает труднейшую задачу построения авангардной партии только как свое хобби;

— тех, кто переносит методы работы мертвых в сегодняшнюю практику.

Сегодня мы знаем — вспышка не погаснет.

Раздуем РМП в мировой пожар.

С праздником, дорогие товарищи! С новым, 2002 годом!

Достаточно сказать, что “леваками” в ней считались шовинист Макашов, защитница традиционной морали Астраханкина, советский фундаменталист Шенин, — то есть националистические радикалы. Настоящим пролетарским кадрам в КПрФ просто нечего делать — не та у неё парадигма: парламентаристская, национал-реформистская, напрочь исключающая продвижение революции.

Посмотрим левее, на недавно объединившиеся **Российскую коммунистическую рабочую партию** и **Революционную партию коммунистов** (ранее называвшуюся **Российской партией коммунистов**). В РКРП немало известных партий-“леваков”, в её московской газете “Рабочая правда” частенько можно прочитать об очередной кампании их травли. Известный “пролетарский поэт”, член РКРП Борис Гунько на самом деле имеет куда более весомые заслуги, чем стихи. До создания РМП он — едва ли не единственный в России — популяризировал маоизм, выпустив брошюры “Письма из Турции” (1994 г.) и “Немецкий дневник” (2000 г.). Ничего удивительного в том, что Гунько вступил в конфликт с партийным руководством, в частности, выступил с критикой столичного идеолога РКРП, полужайки-графомана Подгузова. В результате вылетел из Московского комитета. Недавно лидер РКРП В. Тюлькин устроил Подгузову разнос за публикацию очередной *вредной* статьи, но Тюлькину позволено, он — босс, а Гунько — нет.

В 1996 — 1998 гг. в “Бумбараше” часто появлялись статьи члена РКРП Дмитрия Костенко — пламенного трибуна и замечательного публициста, — в том числе посвящённые различным маоистским организациям. Но разве его творчество было воспринято родной партией, разве он признан внутри неё? Нет*. В 1999 — 2001 гг. в “Бумбараше” по недосмотру редактора печатался другой квазимаоист — О. Торбасов. Он был избран секретарём обкома РКРП по идеологии, но признаётся, что разговаривает с парторганизацией на разных языках и гораздо большие надежды связывает со своей организацией РКСМ(б).

В РПК против шовинизма пытался выступать Сергей Марский (модератор Интернет-рассылки kzot-stop). В конце концов, он убедился в бесплодности этой идеи и подал заявление о вы-

ходе, заявив об *окончательном бюрократическом и буржуазном перерождении* партии. Лидер РПК А. Крючков разразился ответным заявлением, в котором фактически подтвердил обвинения Марского, признавшись, в частности, в поддержке *“операции по ликвидации банд террористов и*

сепаратистов”, т. е. оккупации Чечни.

Был в ЦИК РПК ещё один левый товарищ — Сергей Новиков, пытавшийся убедить партию, что Советский Союз был не царством божьим на земле, а конкретно-историческим явлением, со своими достоинствами и недостатками. ЦК был предложен проект постановления, направленного против идеализации прошлого и осуждающего *советский традиционализм* — *“пародию на сохранение революционных советских традиций, проявляющуюся в целом ряде реставраторских, консервативных, а иногда и реакционных стереотипов”*. В частности, тов. Новиков подверг критике недооценку внутренних факторов буржуазной контрреволюции в СССР, представление о современном режиме как искусственно насажденном извне, придание прошлому некоего несовместимого с критикой ореола святости. Рассуждал он вполне разумно — именно в этом и была главная ошибка: традиционалисты питаются иррационализмом и критический марксистский подход не приемлют в принципе. Его предложения были отклонены, что не так уж шокирует, если знать, что чуть ранее РПК было также отклонено предложение осудить русский фашизм.

Моисеи комдвижения — гонимые, но упорные в окопной борьбе и лобовых атаках против опошления левой идеи. И прежде чем пасть жертвой партийного руководства и фениксом возродиться в группе единомышленников, каждый из них успевает внести свой вклад в протаптывание тропинки от абстрактной жажды справедливости к марксизму.

*Такая оценка деятельности Дм. Костенко разделяется не всеми членами редакционного коллектива “РМП News”.

Монстры и моисеи комдвижения

2. Моисеи комдвижения

Alex Shekel, Maoist Comrade

Современное российское комдвижение чётко делится на два сектора: “традицию” и “модерн”. Традиционалистские компартии (без КПрФ) в общей сложности имеют около 10 — 15 тыс. кадров, т. е., слившись, они бы потянули статус всероссийской партии по новому закону, но реально в этом заинтересована только РКРП, именующая этот статус изначально. Их краткий обзор был дан в первой части статьи. “Модернистов” всех направлений едва ли наберётся тысяча. Это объясняется отсутствием в их рядах большого количества ностальгирующего балласта и “общепатриотических” активистов без твёрдых убеждений — отчасти ввиду большей развитости идеологии “модернистских” групп. Такое разделение массы и идеи приводит к появлению различного рода пограничных явлений. В этой части статьи предлагается посмотреть на элементы “модерна” в “традиции” — на кадры, состоящие в традиционалистских партиях, прежде всего ввиду их численности, но реально стремящиеся к развитию левой парадигмы и уходу от старых, никуда уже не годных советских схем. Эти люди пытаются вывести своих товарищей к свету марксизма, — этикие моисеи комдвижения. По большому счёту такие попытки изначально обречены на поражение. В партиях-наследницах ушедшей от коммунизма полвека назад КапПСС удерживаются только серьёзно поражённые буржуазной идеологией люди. Нормальные, а значит, прогрессивные, парни и девочки шарахаются от их ритуальных танцев и правильно делают. Но — опять-таки, встречаются и в них подвижники, не боящиеся метать бисер перед свиньями. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

Что касается зюгановской **Коммунистической партии Российской Федерации**, тут о “моисеях” говорить почти не приходится.

Yugg
TRASH

О Т О М,
КА К
**КОРОЛЬ
И
ШУТ
НЕ СТАП
SEX
PISTOLS**

“Это было ещё в те времена, когда все люди были зайцами, а из космоса падали обледеневшие горшки с замечательными напитками. Несколько пучеглазых зайцев склонились над одним из таких горшков и, растопив замёрзший напиток, испробовали его. “Это именно то, чем я хочу питаться”, — воскликнул один. “Я хочу уметь готовить этот напиток”, — добавил другой. “А я хочу быть Горшком!” — улыбнулся третий заяц”.

“Самая правдивая ИСТОРИЯ о группе “КОРОЛЬ и ШУТ””

“Мы шествуем по жизни, следуя за нитью своей судьбы, окутанные невнятным и все же неотступным воспоминаниями о своей дожизненной судьбе, уходящей в пучины прошлого и ужасной”.

Эдгар А. По. Эврика

Создание группы “Король и Шут” датируется 1988 годом, а первый номерной альбом вышел лишь через 8 лет, в 1996-м. Этот промежуток времени между образованием музыкального коллектива и моментом, когда он начинает выпускать продукт своей деятельности, очень интересен с точки зрения возможности наблюдать процессы поиска “своей музыки”. В этот период даже возможно резкое изменение стиля и направления, как это, например, произошло со “SCORPIONS”, начинавшими как попсовики. Но этот факт не так удивителен сам по себе. Удивителен он в совокупности с тем, что на момент создания группы должен быть уже сложившийся состав, ясно выдвигший свое место в номенклатурном списке музыкальных стилей (я имею в виду не какую-то абстрактную группу, а конкретные коллективы, прошедшие путь от создания до мировой известности). Объяснить сей феномен можно несоответствием между формой и/или содержанием музыки, которую предлагает только что выдвигшейся творческий союз, и формой и/или содержанием музыки, которую хочет иметь социум. Конечно, высказанная мысль довольно утрирована, существуют и другие проблемы, объясняющие “простой в производстве”: недостаток финансирования, разногласия в группе и группы с ее окружением и т. д. Но отрицать наличие противоречия между спросом и предложением на музыкальном рынке невозможно из-за его очевидности. Исходя из предпосылки наличия этого противоречия можно сделать вывод, что масштабность таланта (не только музыкального) того или иного коллектива определяется степенью преодоления этого противоречия.

Что я хотел сказать по этому поводу относительно “Короля и Шута”? Начинать они свое творчество в панковской среде, первый концерт играли в “Там Таме”. Также группа выходила на сцену “Юбилейного” и ДК Горбунова, играя на фестивалях с такими группами как “TOY DOLLS”, “THE STRANGLERS”, “EXPLOITED”. В перечне зарубежных групп, оказавших на них влияние, на первое место ставят “SEX PISTOLS”. Вполне логично, что в результате восьмилетнего инкубационного периода должна была появиться полноценная панк-группа со всеми вытекающими последствиями. Но вот выходят их первые альбомы, и вместо органического сочетания панкового саунда с неконформистской идеологией, что мы видим? Под музыку, которую можно охарактеризовать как “стилизация под панк с различными вариациями”, народ пьет, гуляет и убивает. Причем какой народ:

“Гуляет сказочный народ.
Король сидит напротив лесника,
Лесник — по правое плечо шута.
А рядом гномы не скучают —
Про горы песни напевают”.¹

Почему так получилось, что помешало “КиШ” стать продолжателями дела “SEX PISTOLS”? Очевидно, то самое несовпадение предложенного ортодоксального панка с запросами общества, в тот момент уже потерявшего интерес к данному направлению. Так, например, последний оплот панка за рубежом, группа, выступившая в начале восьмидесятых с лозунгом “Punk is not dead!”, — “EXPLOITED” приезжают к Москве. И первым делом, вместо антиправительственных интервью, пьянок и дебошей, закатывают VIP-концерт! Сделавши себе неплохую рекламу на лозунгах о возрождении панка в начале своей карьеры, далее ребята Ватти решили просто получать проценты с удачной вложенной идеи. Это куда приятнее, чем протестовать, — за протест можно и по башке получить. Говорить об остальных разрозненных представителях “классического” панка и не приходится: они плавно затухли или перешли на рельсы пост-панка, как сделал Роттен. Что касается нашей страны — можно вспомнить Е. Летова Вспомнить. А, может, помянуть. А так, всякие nazi punks и прочая шушера. Конечно, есть отдельные истинные представители вида, но, видать, настолько редкие, что их надо хватать, пока не убежали.

А н д р е й Т и х о н о в

Музыка
тотального
освобождения

Группа “Ленинград” довольно долго завоевывала у меня доверие. Скупая информация никак не давала разобраться, что это — интеллектуальный избёб или бред алкоголика.

В моем пионерском детстве я имел неосторожность вставить в свой магнитофон кассету “Гражданской обороны”, в результате она застряла в нем навечно. Творчество “Ленинграда” состояние остолбения не вызывало, мозг с трудом продирался сквозь дебри вычурного мата и намеренной похабщины. Подозрение, что это люди непростые, возникло после сообщений о концерте группы в поддержку радикалов, попавших в фашистские застенки в Риге. На такое решится не всякая современная рок-группа. Хотя “Ленинград”, как известно, назло критикам, себя роком не считает. “Мы — самая лучшая говно-группа”, — зловому сарказму ребят можно только позавидовать.

Новосибирск. Первый день зимы. Молный ночной бар. Время приближается к вечеру. Скусающие телевизионщики со своей нехитрой аппаратурой. “Ленинград” должен приехать сюда обедать по ленинградскому времени. Вот появляются первые пассажиры. А вот лысый человек в дурацкой лыжной шапочке — Шнур. Странно, его, человека, почти не замечающего на экране, в этом странном прикиде узнают сразу и бегут здороваться за руку.

— Вы из охраны? — интересуется он у одного из подбежавших, телеведущего в желтой кофточке, — жаль.

Вечно торопливые слуги желтого дьявола усаживают Шнура перед телекамерами, приносят “Хайнекен” и тазик с пельменями. Начинается запись. О, бедные тивилюды. Они думают, они интервьюируют знаменитость, но со стороны видно, что наоборот. И если пикировка сломается, то передаче явно грозит закрытие.

— “Ленинград” всегда был коммерческой группой. Даже когда мы только начинали, я требовал от хозяина клуба, в котором мы выступали, ящик пива за концерт.

— Олигархи, которые держат мир за яйца.

— Конкретные фамилии грозят мне выбитыми мозгами.

— Зубы в сломал о бутылку “Пепси-колы”. Никогда не пейте “Пепси-колу” — полная хуйня.

— Цою очень понравилась наша версия песни “Группа крови”. Он сказал: “Отлично”.

— Ты думаешь, люди в ясе никогда не пьют и не ебутся?

— Я не служил в армии — это бесполезное занятие.

— Те люди, которых ты (ведущий) называешь “тишанами с понятиями” Да если бы ты сидел в тюрьме, ты бы им сапоги лилал.

— Очень напрягает, что приходится пить, жрать, ебаться. Меня вот в последнее время очень волнует вопрос: “Зачем мы ебемся?”. Ведь не для продолжения рода. А ебаться очень хочется.

— Женщины такие привередливые твари.

— Все рокеры платят подсарям за то, что они делают свое говно. Ведь рокеры зарабатывают денег до хуя. Спросите у Кости, у Юры.

— “Ленинград” ни с кем не борется. Он всех победил. (Дебильные вопросы ведущего опущены).

И вот это давать в эфир?

А н д р е й И г н а т ь е в

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КУЛИК Т.Б. СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ РАСКОЛ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ. М.: ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, 2000.

Любой, интересующийся маоизмом и историей КНР, не может пройти мимо этой монографии. Автор не понаслышке знаком с описываемыми событиями, так как он в 50-е гг. учился и стажировался в Пекине, а затем долгое время был на дипломатической работе в КНР, занимал должность Чрезвычайного и Полномочного посла.

В буржуазной западной и отечественной литературе стало обычным изображать Мао Цзэ-дун как какого-то дурачка, который то велит стрелять воробьев, то плавать в каждом дворе. Почему-то Махатма Ганди, который гораздо больше подходит на роль такого дурачка, вызывает у ученых лакеев капитала слезы умиления. Поэтому главной положительной чертой труда Б. Т. Кулика является то, что он отказался от стереотипов в изображении Председателя Мао и его деятельности и вскрыл истинные причины советско-китайского расхождения. Конечно, и в его книге можно прочесть что-то о “перегибах” и “неудачах” в ходе Великой пролетарской культурной революции, но все это выглядит достаточно терпимо по сравнению с теми ушататами грязи, которые выливают на Председателя буржуазно-космополитические востоковеды.

Являясь коммунистом сталинского типа, автор положительно оценивает критику руководства КПК в адрес компании очернения Сталина, развязанной ревизионистом Хрущевым. Он пишет: “Вставая на защиту Сталина, олицетворяющего тогда в глазах китайского народа идеала социализма, руководство КПК было озабочено прежде всего тем, чтобы оградить свою партию и трудящихся страны от идеологической и психологической деградации, которая бы обернулась крахом надежд на возрождение великого Китая”. Соглашаясь с Мао и по другим направлениям критики в адрес Хрущева, автор сам показывает, как происходило внутреннее перерождение СССР. Согласно ему, в хрущевский период в Советском Союзе фактически восторжествовали мешанские настроения и ценности западного потребительского общества, которые выдавались за идеалы коммунизма. А отсюда коррупция, моральное разложение, презрение к своей стране и низкопоклонство перед всем иностранным, которые все больше охватывали советское общество. В благоприятной атмосфере пресловутой “оттепели” оживила космополитическая интеллигенция, начавшая свою работу по подрыву советского строя изнутри. Тогда же место буржуазии заняла бюрократия, которая уже после крушения СССР благодаря приватизации стала настоящей буржуазией. По существу, в могучем организме Советского Союза, созданном Лениным и Сталиным, стал развиваться вирус, который в период катастрофы вызвал тяжелую болезнь, приведшую к его гибели. Поэтому, как заключает Б. Т. Кулик, “при всей утрированности тогдашних пекинских утверждений о буржуазном перерождении Советского Союза нельзя квалифицировать их только как средства дискредитации КПСС. С учетом произошедших в СССР событий приходится признать, что такие утверждения отражали подспудно вырвавшиеся в СССР тенденции”.

Советские историки хрущевско-брежневского периода любили изображать Мао Цзэ-дуну неким монстром, жаждающим ядерной войны и потому назвавшим ядерное оружие империалистов “бумажным тигром”. Б. Т. Кулик объясняет это тем, что Мао просто хотел оградить население от панических настроений, которые бы вызвал страх перед ядерной войной и ядерным оружием, которым КНР еще не обладала. Сам автор монографии негативно относится к раз-

глагольствованию Хрущева насчет “мирного сосуществования” и “мирного соревнования систем”, в условиях которого в СССР получили распространение космополитические и пацифистские, пораженческие настроения.

Обозревая развитие внешнеполитической концепции КНР, Б. Т. Кулик высказывает мнение о надуманности теории “трех миров” и обвинений СССР в социал-империализме, особенно он подвергает критике то, что в последние годы жизни Мао Цзэ-дун стал считать именно советский социал-империализм более опасным, нежели империализм США. Однако жизнь полностью подтвердила правоту Председателя. Всего через четыре года после его смерти советская армия вторглась в Афганистан. Последовавшая за этим десятилетняя война, бывшая рецидивом колониализма, привела к гибели 1 млн. и эмиграции 5 млн. афганцев, не желавших превращаться в совков. Зверства советской военщины были осуждены во всем мире, но нераскаившиеся военные преступники неплохо чувствуют себя в современной Эрэфии и что-то вякают еще насчет “борьбы с исламским терроризмом”.

Хотя заголовок книги говорит об акценте на внешнеполитических проблемах, много внимания автор уделяет и внутренней политике руководства КНР, особенно знаменитым Большому скачку и Великой пролетарской культурной революции. С его точки зрения, Большой скачок следует рассматривать как “попытку в сжатые сроки, через максимальное напряжение всех сил и мобилизацию всех возможностей вырваться из тисков нужды и отсталости”, которая заслуживает не обывательских насмешек, а серьезного научного анализа. Причину провала Большого скачка автор видит, прежде всего, в стихийных бедствиях и отзыве советских специалистов (по сути дела, предательском шаге со стороны Советского Союза). Он также отмечает, что после “курса на урегулирование” среднегодовые темпы роста валовой промышленной продукции в 1963 — 65 гг. достигли 17,9%, что превышает аналогичный показатель во время “реформ”, проводившихся ревизионистом Дэн Сяо-пином. А что касается народных коммунов, то, как подчеркивает Б. Т. Кулик, вся местная промышленность в Китае выросла на базе принципов, которые были заложены в эти коммуны Председателем Мао.

В книге подробно изложена маоистская теория классовой борьбы при социализме, ставшая базой для Великой пролетарской культурной революции. Один из ее тезисов гласит, что в условиях социализма, когда свергнутые эксплуататоры лишены возможности действовать на любых других направлениях, главной ареной классовой борьбы становится сфера культуры, и автор монографии соглашается с этим. Цель Культурной революции он видит в закреплении Китая на пути социалистического развития, и эта цель, по его мнению, была достигнута. Споря с западными клеветниками, Б. Т. Кулик приводит такую статистику: за 11 лет Культурной революции, с 1966 по 1976 гг., ВВП КНР вырос на 77,4%. Это, конечно, нелепо сравнивать с результатом “демократических” преобразований в России.

К сожалению, в конце своего труда автор пытается обелить Дэн Сяо-пина, который якобы являлся искренним коммунистом и патриотом Китая, “спасшим социализм” в КНР. К числу недостатков монографии можно также отнести чересчур тяжеловесный характер изложения: о хунвэйбинах можно было бы писать и повеселее. Но, в целом, эту книгу можно рекомендовать для чтения всем российским леворадикалам.

ДАБСТРАКТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

(посвящается революционерам покусанным реальностью в предпринимательских странах)

Они бы могли нам помочь
Если бы у нас были номера их телефонов

Но у нас их нет
Поэтому он нам не помогут

Нас могло бы быть больше
Если бы мы были покладистей
Но у нас не получается
И потому нас мало

Мы бы могли добиться успеха
Если бы у нас хватило времени
Но время как сахар
И нам его не хватает

Общество существует
Государство дышит
Субъективность устала

МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ

(посвящается революционерам убежавшим от реальности в развлекательных странах)

Порхание револьверов из карманов к стрельбе, жужжание ножей входящих в тела, журчание крови и крип ангелов, невидимых но недовольных происходящим.

Началось все с разговора, кто-то вспомнил про сахар в кофе, кто-то про кокаин в мозгу, кто-то про белый флаг над полем проигранного боя

Сперма несет энергию, кровь — информацию, микробы пьют и то и другое

Одноглазые видят секретную половину реальности и потому в боях уничтожаются в первую очередь

Музыка была по-прежнему легкомысленной, но танец противоборствующих сторон становился все более серьезным и многозначительным

Пиво пахло полицейскими кордонами, больше ничего не напоминало о Государстве

Толстые девушки продолжали улыбаться в такт музыке и дыму

Стены и потолок останутся на месте, а мебель конечно же передвинется — ведь не ядерный же взрыв предстоит нашему ожиданию

А психология происходящего очень проста: середина ночи — с трех до пяти утра, самый большой (большой-большой) порционный процент самоубийств

Шахматная партия — внимание давайте посмотрим успеет ли она завершиться

— Девушка, между прочим, знаменитая киноактриса — говорит один из героев происходящего — после приема большой дозы психоделика достигла такой степени просветления, что превратилась в аквариумную рыбку, она моя старая любовь и я хотел купить рыбку, мне казалось: у меня получится какое то астральное общение с ней, я что-то чувствовал, но к сожалению покупка не состоялась

Он говорит, музыка звучит, дым клубится, а битва осталась только воображаемой.

— Подотри свою задницу кривым зеркалом — с такой реплики мог бы начаться кровопролитный конфликт. Многогочие

Мао Цзэ-дун. Председатель Земного Шара

Денис Селиверстов

26 декабря 1893 года в провинции Хунань Поднебесной империи родился Мао Цзэ-дун.

Я не буду писать о Мао, я буду писать о себе.

Мне 27 лет. Председателю было уже 80, когда я родился.

Рос, не отмеченный какой-либо печатью политической сознательности. Ковырялся в песочнице, лепил куличики, не подозревая, что в мире больших сильных взрослых подходит к концу эпоха. Эпоха наибольшего приближения к коммунизму, самому светлому и справедливому обществу в истории человечества. В Пекине догорала Культурная революция. В Пекине умирал Мао.

“Я очень сентиментален, Аля.

Это потому, что я живу всерьез.

*Может быть, весь мир сентиментален”**.

На улицах и в тюрьмах Западной Европы отстреливали левых активистов.

В Пекине умирал Мао.

Черных пантер постепенно сажали на героин.

В Пекине умирал Мао.

Советские психушки пополнялись слишком старательными читателями Маркса и Ленина.

В Пекине умирала революция.

Помню, как умер Брежнев. Я с матерью собирался ехать на экскурсию, смотреть на один из городов Золотого кольца России. То ли Суздаль, то ли Владимир. Уехать не успели — ведущий группы отменил поездку, сообщив, что умер Брежнев. На следующий день школьный завуч, дама застойного партактива, рыдала, заметно позируя публике. Нам.

В следующие два года, одни за другим, умерли Андропов и Черненко. Это стало походить на дешевую комедию.

Дни их смерти для меня были праздником — не надо идти в школу, можно валяться дома и смотреть телевизор. Конечно, не “Лебединое озеро”, но боевики о героях революции. Если бы их смерти пришлось на выходные, то я обиделся бы — какой толк в таком неудобном уходе из жизни?

Детские воспоминания — злая штука. Ты еще не в состоянии сам разобраться, каков в действительности тот человек, о котором все говорят. Но окружающие тебя — родители, школа, радио и телевизор уже определили кто он — белый ангел, черный бандит, комик. Этикетка потом остается очень надолго, и отодрать ее так же трудно, как вывернуть себя наизнанку.

Я рад, что совсем не помню Мао — младенца не смогла задеть трескучая антикитайская пропаганда Кремля. Я оказался слишком ничтожной и неинтересной целью для брежневских идеологов.

“Человек — это белый лист, на котором можно писать любви, самые красивые иероглифы”.

Я заполняю лист “человек Мао” сам; мне не приходится тратить время и портить бумагу, соскребывая с нее словесный понос апологетов *“развитого социализма”*.

В отрочестве любил Высоцкого. К счастью, его культурно-революционный цикл песенок не достал меня. Слишком в нем много немотивированной злобы и брызганья слюной. Слишком фрагментарно — красивые слова *“хунвэйбин”*, *“Культурная революция”* и *“Мао Цзэ-дун”* не складывались в цельную систему — в то время для меня Китай такое же белое пятно, как и для современников Марко Поло.

Для советской интеллигенции поколения “кукишей в кармане” Мао был слишком живой. Слишком страстный, слишком увлекательный и слишком “неинтеллигентный”. Певцы у костра песенок о том, как надо обнимать *“изгиб гитары желтой”* и как при этом качается небо, не могли простить Председателю его веры в три вещи. Веры в себя и в народ. Веры в коммунизм.

Не верившие ни во что мстили, просиживая штаны за написанием пасквильных книжек.

На одну из них под названием *“Мао Цзэ-дун”* авторства ех-спичрайтера Хрущева Ф. Бурлацкого я и наткнулся в книжной лавке в бытность студентом. Подзаголовок гласил: *“Наш коронный номер — это война, диктатура...”*. Я тут же нарисо-

вал на листе “человек Мао” первый иероглиф, означавший “радость-восхищение-восторг” и купил ее.

Автор сильно поработал, пытаясь кастрировать Председателя. Со страниц книги должен был встать деревенский дурачок, гоняющийся с палкой за воробьями и добывающий сталь из старого кухонного утиля. У меня возникло только один вопрос — как такой человек мог быть одним из основателей Компартии Китая, выжить и победить в двадцатилетней народной войне, руководить строительством нового Китая.

Я учился революции по Брежневу. По книжкам, изданным в годы его правления и призванным утвердить исключительную монополию КПСС на революцию. Результат постоянно оказывался прямо противоположный установкам авторов. Это было неизбежным внутренним противоречием брежневской пропаганды. Еще в 1852 году управляющий Третьим отделением генерал Дуббельт, умный и квалифицированный царский реакционер, писал:

“Частое повторение слов: свобода, равенство, реформа, частое возвращение к понятиям: движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража — и тому подобных останавливают внимание читателя и возбуждают деятельность рассудка”.

Деятельность рассудка сыграла с советскими либералами злую шутку — Мао победил.

Оплевантний деревенский дурачок победил многоумных университетских профессоров и взоротливых политиков. Самое обидное для последних — то, что он победил их в ихнем же логове, на родине глубоко ими почитаемых Хрущева, Брежнева и других солженищных.

Победил потому, что здесь живу я. Мои друзья и товарищи. Мы работаем, а значит Мао жив и работает вместе с нами. Мы голосовали и приняли его в РМП.

Приняли, заставили пройти сеанс самокритики, а затем загрузили работой.

Это ложь, что в Пекине 76-го умирал Мао.

Умирал, когда: Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев продолжал целоваться в засос с Эрихом Хоннекером и прочими “лидерами” стран народной демократии; в Хельсинках и Рейкьявиках за раундом раунд брежневские и картеровские дипломаты наводили мосты дружбы и хорошо кушали в дорогих ресторациях.

Это правда, что Вологде 74-го родился я.

Я не знаю, что точно написано на Мавзолее в Пекине. Наверное, просто — *“Мао Цзэ-дун”*. Но я знаю, что там должно быть, потому что ничего другого там быть не может: *“Мао Цзэ-дун — Председатель Земного Шара”*.

* В. Шкловский. ZOO, или Письма не о любви, или Третья Элоиза.

Вести с Гималаев

Переговоры с правительством тянулись и тянулись, не принося никакого результата. Монархия была полна решимости отстоять устаревшие порядки, консервирующие в Непале отсталость и бедность, и не допускала мысли о своей замене демократической республикой. Наконец, у маоистов лопнуло терпение и 21 ноября 2001 г. они отказались продолжать диалог. Два дня спустя партизаны КПН(м) возобновили атаки на полицейские, военные и правительственные объекты по всей стране. В частности, они предусмотрительно взорвали находившийся в аэропорту Сурхет вертолет Ми-17 российского производства, принадлежавший авиакомпании "Asian airways" (вертолеты необходимы для карательных рейдов в горах, но у правительства нет своей военной авиации). Также повстанцы совершили нападения на два банка в округе Данг и похитили деньги и ценности на сумму около \$788 тыс. Вечером того же дня партийное руководство объявило о формировании Объединённого революционного народного совета из 37 членов. Возглавил его заместитель председателя ЦК партии Бабурам Бхаттарай.

Поздним вечером 24 ноября генеральный секретарь КПН(м) товарищ Прачанда выпустил специальное заявление, в котором известил народ Непала, что бойцы партизанских формирований решили продолжить вооружённую борьбу за освобождение непальского народа, поскольку устали терпеть провокационные действия "антинациональных, фашистских сил". Он охарактеризовал последние атаки партизан как "очень успешные и смелые", но уточнил, что компартия не отказывается от возможности мирного разрешения конфликта посредством переговоров.

Уже к 26 ноября маоисты контролировали почти половину территории Непала. Правительство провело срочное заседание в связи с обострением обстановки. По его прошению король Гьянендра объявил о вводе в стране чрезвычайного положения. Действие многих гражданских свобод, полученных жителями Непала лишь с принятием под давлением левых сил конституции, было приостановлено. По рекомендации национального совета обороны принято решение задействовать армию. Правительство объявило маоистов и поддерживающие их организации террористами. Минобороны обратилось к населению с призывом "помочь армии".

Между тем, бурные события в Гималаях были замечены на международном уровне, ведущие буржуазные политики сообразили, что дело пахнет революцией и возрождением "красной угрозы". Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что участники непальского конфликта должны решить свои разногласия путём переговоров. Власти Индии усилили меры безопасности на границе с Непалом. Пограничники на севере Индии, в районе штатов Уттар-Прадеш, Бихар и Западная Бенгалия (в которых, кстати, активно действуют индийские маоисты) переведены на усиленный вариант несения службы. "Наша задача — предотвратить любые попытки маоистов пересечь границу. В настоящее время полиция взяла под свой контроль больницы, роддома почти во всех крупных городах", — заявил представитель полиции Дарджилинга. "Мы повысили готовность пограничных войск к полицейским подразделениям, усилили патрулирование вдоль границы", сообщил представитель министерства внутренних дел Анил Ратури. Юбрадж Бхусал, генеральный консул Непала в Калькутте, административном центре штата Западная Бенгалия, призвал индийские власти не допустить использование повстанцами территории Индии под свои партизанские базы. Премьер-министры двух стран в разговоре по телефону 26 ноября договорились усилить охрану границы с обеих сторон и быть в постоянном оперативном контакте для обмена мнениями по развитию обстановки. 28 ноября премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай провёл телефонный разговор с королем Непала и предложил оказать любую помощь в подавлении деятельности маоистов. Премьер-министр Непала Шер Бахадур Деуба заявил, что Непал "примет помощь, кто бы её не предложил, включая Индию и США". Непал объявил о намерении закупить в России два военных вертолета Ми-17 для борьбы с маоистскими повстанцами. Как заявил Минобороны Непала, на вертолетах, возможно, будут установлены приборы ночного видения и вооружение для ударов по боевикам в ночное время.

Тем временем, в Катманду начались аресты. В международном аэропорту при попытке бежать в Индию арестован Падма Ратна Туладхар, руководитель ведущей в стране правозащитной организации — некоторое время назад он выступал посредником в организации переговоров между правительством и маоистами. 27 ноября были также задержаны шесть журналистов, обвиняемые в ведении про-маоистской пропаганды. Солдаты королевской армии начали проводить интенсивные "зачистки" в частных домах и гостиницах в поисках партизан.

29 ноября маоисты устроили два взрыва один за другим с перерывом в несколько минут на заводе компании Sosa-Cola в центре Катманду (это не первая акция маоистов против "кока-колониализма"). Взрывы произошли ранним утром, когда рабочих на заводе не было, поэтому люди не пострадали. Зданием нанесен значительный ущерб — повреждены стены, потолок, оборудование, выбито несколько окон. По сообщению одного из управляющих, для того, чтобы ликвидировать разрушения, завод придётся закрыть на несколько месяцев.

3 декабря маоисты взорвали фабрику по производству ковров в Катманду. В этот день премьер-министр Деуба поклялся "с корнем вырвать коммунистическую угрозу" безопасности и стабильности страны.

Мировые масс-медиа периодически сообщают о драматических событиях в Непале. Краткие сообщения не вызывают у наблюдателя за пределами Непала взрыва эмоций, поскольку информационный ручеек из горного королевства перекрывается раскаленными сообщениями из других районов беспокойного мира. В том числе из бурлящей Азии. Не только журналисты, но и непаловеды как в России, так и в других странах не проявляют большого интереса к событиям в гималайском королевстве. Но самое примечательное — сами непальцы не стремятся глубоко вникать в существо проблемы, видимо рассчитывая, что ситуация сама как-нибудь устроится.

Разобраться даже специалисту по Непалу в современной ситуации не просто; помимо недостатка информации (несколько месяцев назад правительство ввело военную цензуру на все сообщения о событиях) сказывается и недостаточная разработка многих ключевых тем современного Непала: развитие рыночных отношений, современное состояние сельской общины, социальная структура населения. Многие исследования были посвящены неварскому населению долины Катманду, однако оказалось, что маоисты проявляют наибольшую активность в далеких от столицы горных районах, которые исследователи не баловали своим вниманием. Так или иначе, основной вопрос — почему в Непале 90-х годов XX века появилось и стало развиваться движение маоистского характера — остается без ответа. Чтобы нащупать подходы к ответу, следует хотя бы кратко осветить историю этой страны за последние 50 лет.

До 1951 г. Непал был феодальным, закрытым от внешнего мира королевством, где вся реальная власть с 1846 г. принадлежала семье наследственных премьер-министров Рана. Короли из династии Шах выполняли лишь представительские функции. Такая система правления во многом напоминала правление сёгунов в Японии. Однако для непальских крестьян и многих мелких и средних феодалов король оставался сакральным символом сильного и справедливого государства, земным воплощением бога Вишну. Антираиистские силы были чрезвычайно слабы, в связи с отсталостью и изолированностью страны. Рана превратили Непал в полуколонию Великобритании. Непал стал источником рекрутов для знаменитых гуркхских полков. Ситуация резко изменилась после Второй мировой войны. Англия ушла из Южной Азии, тем самым режим Рана лишился своей основной политической и финансовой опоры. В Непале и в среде непальских иммигрантов в Индии росла политическая активность. Демократические и антифеодальные устремления оппозиции пользовались поддержкой правительства независимой Индии и лично Неру. Под влиянием Индийского Национального Конгресса была создана партия Непальский Конгресс, при поддержке индийских коммунистов была создана КПН, появились и другие политические партии. В результате активизации антираиистского движения в 1950-1951 гг. при активной помощи Индии режим Рана был свергнут. В некоторых районах борьба носила вооруженный характер. Главным лозунгом пестрого по составу движения было возвращению королю всей полноты власти. В этом проявились глубокие монархические традиции и настроения непальцев. Король Трибуван стал ключевой фигурой в поведении реформ, придавших Непалу относительно современный характер. В 1959 г. состоялись первые парламентские выборы, победу одержал НК, большого успеха добились коммунисты. Однако архаичная социальная система не смогла ужиться с многопартийностью и парламентаризмом. Деятельность правительства НК оказалась неэффективной, принципы многопартийной демократии не находили реальной поддержки в обществе. В этих условиях король Махендра в 1960 г. совершил бескровный политический переворот. Многие политические лидеры были арестованы или бежали из страны, парламент был распущен, политичес-

Александр Ледков

Маоизм в Непале

результаты
предварительного
исследования

Статья первая. Истоки.

Наряду с вторжением США в Афганистан и крахом политики МВФ в Аргентине одно из наиболее важных событий 2001 г. - антимонархическое восстание в Непале под руководством Коммунистической партии Непала (маоистской). На развитие событий в гималайском королевстве с надеждой смотрят демократическая и левая общественность всего мира. Однако предыстория нынешних событий в Непале мало известна даже среди коммунистов. Автор призванной устранить этот пробел серии статей - известный российский ученый-непаловед Александр Александрович Ледков из Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

В эмигрантской прессе стали появляться материалы о коррумпции на разных уровнях власти и о неурядицах внутри правящего семейства. В 1979-1980 гг. развернулось массовое антипанчатское движение, основными участниками выступлений были студенты и мелкобуржуазные городские слои. Значительный размах выступлений и давление извне заставили королевское правительство пойти на уступки. Был объявлен референдум, на который выносились два вопроса: отмена панчатской системы или её сохранение и дальнейшее реформирование. С небольшим перевесом победили сторонники панчаттов. Референдум 1980 г. и ослабление преследований инакомыслящих способствовали активизации политической и идейной борьбы. Политические партии почти открыто начали действовать в стране, почувствовав уверенность в себе, лидеры партий с прищелом на будущее разрывали прежние союзы и заключали новые. При этом идеологические поиски смешивались с беспринципным политиканством и интригами, свойственными современной политической элите Непала. Активные организационные переливания происходили на всех политических флангах.

История появления в Непале маоистской идеологии малоизучена в силу труднодоступности источников. Влияние КПК на непальских коммунистов проявилось еще в 50-х годах. Под влиянием ухудшения отношений между КПСС и КПК в 1958 г. произошел раскол в КПН. Малочисленные группы маоистов существовали в Непале в 60-е годы, их основными членами были невары — коренное население долины Катманду. Однако полицейский режим и незаинтересованность Пекина в ухудшении отношений с соседом не способствовали росту их численности и влияния. После поворота руководства КПК в сторону прагматизма в 1976 г. часть этих группировок распались, часть продолжали придерживаться классических постулатов Мао. Маоистское влияние чувствовалось в высказываниях лидеров некоторых левых непальских партий, которые открыто не связывали себя с маоистской идеологией. В середине 80-х маоизм стал усиливаться в условиях полевения общественных настроений, маоисты не получали от северного соседа никакой помощи, они отрицательно относились к политике КПК после 1976 г. Начавшаяся перестройка в СССР и возрастающий кризис мирового коммунистического движения отразился и на непальских коммунистах. Ряды маоистов пополнились за счет представителей других левых партий и групп. Однако кризис в коммунистическом движении Непала не привел к его ослаблению. После ряда расколов и объединений в рядах коммунистов произошла перегруппировка, что привело к усилению их позиций. Наиболее влиятельными в конце 80-х годов стали КПН (объединенная марксистско-ленинская) и КПН (марксистско-ленинская). Обе эти партии признают авторитет Мао Цзэ-дуна.

Кие партии запрещены. В 1962 г. была обнаружена новая конституция, в соответствии с которой в стране образовывалась система панчаттов (советов) на местном, среднем (дистрикты и зоны) и центральном уровне (Национальный панчат). Члены панчаттов частично избирались и частично назначались правительством. В первые годы своего существования панчаттская система способствовала стабилизации общества, а также проведению ряда реформ. Например: были ликвидированы вассальные княжества, в процессе аграрной реформы были отменены наиболее архаичные формы феодального землевладения. Провозглашались политичес-

кие свободы. Однако общая направленность внутренней политики закрепляла за королем ведущее положение центральной фигуры всей жизни страны и символом национального единства. Королевская власть как социальный институт пыталась соединить элементы самодержавия, освященные радждхармой, и элементы нового социального сознания, ориентированные на прогресс. Однако панчаттская система не смогла обеспечить стабильное развитие общества, а главное мирное сосуществование феодального сельского хозяйства и развивавшихся рыночных отношений. С середины 70-х годов стали заметны признаки кризиса этой системы. В эмигрантской прессе стали появляться материалы о коррумпции на разных уровнях власти и о неурядицах внутри правящего семейства. В 1979-1980 гг. развернулось массовое антипанчатское движение, основными участниками выступлений были студенты и мелкобуржуазные городские слои. Значительный размах выступлений и давление извне заставили королевское правительство пойти на уступки. Был объявлен референдум, на который выносились два вопроса: отмена панчатской системы или её сохранение и дальнейшее реформирование. С небольшим перевесом победили сторонники панчаттов. Референдум 1980 г. и ослабление преследований инакомыслящих способствовали активизации политической и идейной борьбы. Политические партии почти открыто начали действовать в стране, почувствовав уверенность в себе, лидеры партий с прищелом на будущее разрывали прежние союзы и заключали новые. При этом идеологические поиски смешивались с беспринципным политиканством и интригами, свойственными современной политической элите Непала. Активные организационные переливания происходили на всех политических флангах.

История появления в Непале маоистской идеологии малоизучена в силу труднодоступности источников. Влияние КПК на непальских коммунистов проявилось еще в 50-х годах. Под влиянием ухудшения отношений между КПСС и КПК в 1958 г. произошел раскол в КПН. Малочисленные группы маоистов существовали в Непале в 60-е годы, их основными членами были невары — коренное население долины Катманду. Однако полицейский режим и незаинтересованность Пекина в ухудшении отношений с соседом не способствовали росту их численности и влияния. После поворота руководства КПК в сторону прагматизма в 1976 г. часть этих группировок распались, часть продолжали придерживаться классических постулатов Мао. Маоистское влияние чувствовалось в высказываниях лидеров некоторых левых непальских партий, которые открыто не связывали себя с маоистской идеологией. В середине 80-х маоизм стал усиливаться в условиях полевения общественных настроений, маоисты не получали от северного соседа никакой помощи, они отрицательно относились к политике КПК после 1976 г. Начавшаяся перестройка в СССР и возрастающий кризис мирового коммунистического движения отразился и на непальских коммунистах. Ряды маоистов пополнились за счет представителей других левых партий и групп. Однако кризис в коммунистическом движении Непала не привел к его ослаблению. После ряда расколов и объединений в рядах коммунистов произошла перегруппировка, что привело к усилению их позиций. Наиболее влиятельными в конце 80-х годов стали КПН (объединенная марксистско-ленинская) и КПН (марксистско-ленинская). Обе эти партии признают авторитет Мао Цзэ-дуна.

Конец 80-х годов ознаменовался обострением кризиса панчаттской системы, в какой-то степени на внутренние процессы в Непале оказало влияние изменение баланса сил в Южной Азии. Антипанчаттские силы активизировались. В конце 1989 г. был создан Объединенный левый фронт (ОЛФ), объединивший большинство коммунистических партий и групп. Председателем фронта была избрана Сахана Прадхан, почетным председателем Тулси Лал Аматыя. ОЛФ и НК заключили недолговечный, но весьма эффективный союз, целью которого было устранение панчаттов, восстановление многопартийной парламентской демократии и основных политических свобод. К этому союзу примкнули основные левые и центристские силы страны. В феврале 1990 г. в Катманду началась кампания протеста, получившая название «народное движение», выступления быстро охватили другие города и некоторые сельские районы. Движение пользовалось поддержкой различных политических сил Индии. В первые дни выступлений правительство пыталось применить против участников протестов силу. Широкий размах выступлений и «поддержка международной демократической общественности» подтолкнули либерального по взглядам и мягкого по характеру короля Бирендру и его окружение к заключению соглашения с оппозицией. Были освобождены арестованные активисты, король объявил о создании временного коалиционного правительства и разработке новой конституции. В ноябре 1990 г. новая конституция была обнаружена. Конституция отмечает, что Непал является многопартийным, многоязычным, неделимым, полностью суверенным, индустриальным, конституционно-монархическим государством. В реальности конституция 1990 г. стала еще одним шагом по пути превращения Непала в конституционную монархию. По этому пути Непал идет с 1951 г. Создание парламентской конституционной монархии стало основным лозунгом «народного движения», никто из его участников не выступал против института монархии или против Бирендры лично. В период борьбы с панчаттской системой маоисты не отличались большой активностью, это можно объяснить немногочисленностью маоистских рядов в тот период, а также неприятием ими либерально-монархических лозунгов «движения».

1990 г. стал важной вехой в истории Непала, однако вскоре лидеры и рядовые участники демократического движения столкнулись с новыми трудными проблемами.

Землю — крестьянам! Наследство — дочерям!

ТРЕБОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНОГО СОВЕТА

В конце декабря 2001 года Объединенный революционный народный совет (ОРНС) обнаружил расщепленную на два месяца Программу действий. ОРНС — единый фронт, возглавляемый Компартией Непала (маоистской) — выдвигает следующий набор непосредственных демократических требований, рассчитанных на вовлечение в борьбу самых разных слоев непальского общества:

1. Немедленно отменить режим так называемого "чрезвычайного положения", прекратить развертывание королевской армии!
2. Прекратить действие так называемого "антитеррористического постановления", остановить идущий по всей стране белый террор!
3. Отменить существующую конституцию, отправить в отставку действующий кабинет, создать переходное правительство и провести выборы в учредительное собрание!
4. Обеспечить народу все основные права, восстановить свободу слова и печати!
5. Подтвердить право народов Непала на самоопределение, на деле осуществить региональную и национальную автономию!
6. Провести революционную земельную реформу, реализовать принцип "землю — тем, кто ее обрабатывает".
7. Прекратить все проявления несправедливости и жестокости в отношении женщин; предоставить дочерям равные с сыновьями права наследования родительской собственности!
8. Прекратить восходящую к "Законам Ману" (индуистское религиозное законодательство — РМП) дискриминацию далитов (неприкасаемых), вырвать с корнем систему неприкасаемости!
9. Прекратить коммерциализацию образования, обеспечить бесплатное и качественное образование для всех!
10. Гарантировать всеобщую занятость внутри страны, обеспечить выплату пособий по безработице прямо сейчас!
11. Содействовать развитию национальной промышленности и бизнеса; национализировать компрадорский и бюрократический капитал!
12. Расторгнуть все неравные договоры, включая Договор 1950 года (с Индией — РМП)! Нет империалистической и экспансионистской агрессии!

Источник: MAOIST INFORMATION BULLETIN — 2.
Occasional Information Bulletin of CPN (Maoist).